

Представления российских специалистов сферы детства о доказательном подходе и их ожидания от взаимодействия с научным сообществом

Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Будурян М.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-0972>, e-mail: mariam.buduryan@mail.ru

Засимова А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

В статье описаны результаты качественного исследования представлений российских специалистов-практиков о доказательном подходе. В исследовании приняли участие авторы программ и руководители 12 организаций, работающих в сфере детства и социальной защиты и участвовавших в конкурсах на включение в реестры практик с доказанной эффективностью. Сбор данных осуществлялся при помощи полуструктурированного интервью. Рефлексивный тематический анализ интервью позволил разработать несколько тем, в совокупности описывающих особенности понимания доказательного подхода российскими специалистами-практиками и их ожидания от взаимодействия с научным сообществом: 1) доказательный подход как современный тренд, подключение к которому дает ряд преимуществ (большую привлекательность для донорских организаций, расширение круга благополучателей и признание в профессиональных кругах); 2) доказательный подход как возможность осваивать новую культуру обоснования и презентации своих разработок; 3) доказательный подход как поиск и организация новых форм взаимодействия с научным сообществом. Выявлено, что российские специалисты сферы детства склонны принимать транслируемое им фондами, донорскими организациями и экспертным сообществом инструментальное понимание доказательного подхода, однако их образ практики как сложной деятельности, требующей учета многих факторов и обращения к различным источникам знаний, потенциально может стать основой более продвинутого многостороннего и критического понимания доказательного подхода — при условии поддержки такого понимания, в том числе со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: доказательный подход, представления о доказательном подходе специалистов-практиков, инструментальное и критическое понимание доказательной практики, место научного знания в реализации практик.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение единого подхода внедрения социальных (в т.ч. образовательных) практик с доказанной эффективностью в части реализации мероприятий Десятилетия Детства».

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Будурян М.М., Засимова А.В. Представления российских специалистов сферы детства о доказательном подходе и их ожидания от взаимодействия с научным сообществом // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 6. С. 183—196. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270614>

Russian Child Welfare Service Professionals' Attitudes towards Evidence-based Practice and Their Ideas of the Social Practice — Science Relations

Natalia P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Mariam M. Buduryan

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-0972>, e-mail: mariam.buduryan@mail.ru

Anastasia V. Zasimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

The article presents the results of the qualitative study of Russian child welfare service professionals' attitudes towards evidence-based practice. Based on a reflexive thematic analysis of interviews with the professionals from 12 social service organizations several themes have been developed and discussed: 1) evidence-based practice as an important current trend, the connection to which gives several advantages (greater attraction for donor organizations and clients, peer recognition); 2) evidence-based practice as an opportunity to master a new culture of justification and communication; 3) evidence-based practice as a search and organization of new forms of interaction with the scientific community. Russian social service professionals tend to accept the instrumental understanding of the evidence-based practice that is transmitted to them by foundations, donor organizations and the expert community, however, their image of practice as a complex activity that requires taking into account many factors and referring to various sources of knowledge can potentially become the basis for more advanced multifaceted and critical understanding of the evidence-based practice — provided the support of such an understanding, including from the scientific community.

Keywords: evidence-based practice, attitudes towards evidence-based practice, instrumental understanding of evidence-based practice, critical understanding of evidence-based practice, social practice — science relations.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 “Scientific and methodological support of a unified approach to the introduction of social (including educational) practices with proven effectiveness in implementing the activities of the Decade of Childhood”.

For citation: Busygina N.P., Buduryan M.M., Zasimova A.V. Russian Child Welfare Service Professionals' Attitudes towards Evidence-based Practice and Their Ideas of the Social Practice — Science Relations. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 6, pp. 183—196. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270614> (In Russ.).

Введение

Ориентация на доказательный подход, первоначально возникший в медицине и клинических практиках, в настоящее время стала одной из характерных особенностей развития социальной сферы и образования. Все большее число специалистов сферы детства вовлекается в разработку и применение практик в доказательном ключе, от них требуют, чтобы то, чем они занимаются, отвечало критериям доказательности.

Но как видят доказательный подход сами специалисты-практики, которым предлагают включиться в его реализацию? Согласно ряду исследований, проведенных в разных странах [8; 9; 11; 12; 13; 15; 17], практикующие специалисты нередко бывают в замешательстве относительно того, что именно считать доказательной практикой, при этом их установки по отношению к ней по большей части позитивны и коррелируют с уровнем их знаний и подготовки в этой области.

Большинство исследований представлений специалистов-практиков о доказательном подходе проводится в количественном дизайне, в частности, с использованием шкал отношения к доказательной практике (Evidence-based Practice Attitude Scales) (EBPAS-50 и EBPAS-36) [4; 5; 14]. Такой дизайн позволяет собирать данные на больших выборках и сравнивать результаты, полученные на участниках из разных стран или разных сфер практической деятельности. Однако ввиду того, что в методиках измерения уже заложено определенное понимание доказательной практики, они не дают возможности прояснить собственные конструкции участников и тем самым более глубоко проанализировать особенности их представ-

лений и эмоционального отношения к доказательному подходу.

В связи со сказанным нам представляется примечательным исследование Г. Авби (G. Avby) с соавторами, выполненное в качественном дизайне [6]. Собрав данные при помощи полуструктурированного интервью с 14 сотрудниками службы социального обеспечения Швеции и проанализировав их при помощи метода, близкого описательной феноменологии, авторы выяснили, что специалисты по-разному конструируют смыслы доказательной практики. Эти смыслы авторы сгруппировали в несколько категорий, обозначив пять типов понимания доказательной практики: 1) фрагментированное (весьма дефицитные представления о доказательном подходе, доказательность понимается как некое общее, непроясненное «качество»: «я не могу точно сказать, что такое доказательная практика, какой-то подход»); 2) дискурсивное (представления о доказательном подходе так же дефицитны, термин «доказательная практика» используется декларативно, как риторический прием, убеждающий в значимости работы: «да, мы прибегаем к доказательности, мы обязательно используем статистику»); 3) инструментальное (доказательный подход ассоциируется с применением научно обоснованных методов и алгоритмов в практической работе, доказательная практика означает использование протоколов, документации и оценки эффективности: «наша работа основана на научно обоснованных методах, мы используем методики, прошедшие строгую экспериментальную верификацию»); 4) многостороннее (доказательная практика связывается с необходимостью опираться на

различные источники информации — научные исследования, практические наблюдения: «доказательность обозначает, что наша практика выходит на новые, более высокие уровни, мы ориентируемся не только узко на свой опыт и потому начинаем более продуктивно работать с клиентом»); 5) критическое (рефлексия всей сложности понятия доказательной практики, когда обсуждаются плюсы и минусы ее применения в социальной сфере, но при этом сохраняется сбалансированный взгляд, подчеркивается необходимость внимательного анализа разных источников информации: «доказательная практика это не метод, а умение интегрировать разную информацию о клиенте и его проблеме, это смелость критично оценивать, что мы делаем и чего мы достигаем»).

Для нас это исследование интересно не только тем, что оно показывает, насколько широк диапазон понимания доказательной практики специалистами. Мы уже отметили [1], что термин «доказательная практика» нередко играет роль «пустого знака», значение которого становится предметом многочисленных дебатов в методологической литературе. Представления специалистов-практиков во многом отражают характер этих дебатов. Мы согласны с авторами исследования, что многостороннее и критическое понимание доказательной практики и в философском, и в методологическом смысле более развитое, чем ее инструментальное понимание. Но именно последнее — это то, что часто продвигается, когда речь идет о доказательном подходе. Авторы пишут, что распространённость инструментального взгляда, согласного которому доказательная практика — это в первую очередь перенесение научно обоснованных методов, программ и оценок в практическую работу, мешает достижению уровня рефлексивной практики [6]. Иными словами, складывается парадоксальная ситуация, когда продвижение доказательного подхода «сверху» (в его инструментальной версии) оказывается барьером к развитию доказательной практики (понимаемой многосторонне и критически).

Исследований установок по отношению к доказательному подходу у российских специалистов-практиков мы не нашли. Для нашего исследования мы выбрали качественный дизайн прежде всего для того, чтобы придать ему поисковый, открытый характер. Нам важно было «разговорить» участников, российских специалистов сферы детства, чтобы они поделились своим опытом вовлечения в «тренд доказательности». Мы ставили своей целью реконструировать комплекс их представлений о доказательном подходе и доказательности: как специалисты-практики и разработчики программ понимают доказательный подход, его возможности и ограничения, с какими трудностями они сталкиваются на пути к доказательности, как представляют себе продуктивное сотрудничество с академическим сообществом. Мы ожидали, что в отношении к доказательному подходу, которое сложилось у российских специалистов-практиков, есть «слепые зоны», конфликтные установки и противоречия, которые мы и намеревались прояснить.

Участники и процедура исследования

В исследовании приняли участие представители (авторы программ и руководители) 12 организаций, работающих в сфере детства и социальной защиты. Все организации участвовали в конкурсах на включение в реестр доказательных практик одного из благотворительных фондов.

При выборе организаций мы учитывали:

- географию проекта: в исследовании участвовали 3 организации из Москвы и Санкт-Петербурга, 6 организаций из крупных российских городов (Самара, Новосибирск, Нижний Новгород, Якутск, Екатеринбург, Хабаровск), 3 организации из небольших городов Кировской области, Республики Карелия, Томской области;
- уровень доказательности практики, направление работы и степень устойчивости: участниками исследования были организация, оказывающая помощь семьям в трудных ситуациях, школа приемных родителей, кризисные центры, организация, оказывающая помощь женщинам с детьми, и др.;

практики, развиваемые в 7-ми организациях, оценены экспертами как имеющие средний уровень доказательности, развиваемые в 5-ти других организациях — как имеющие высокий уровень доказательной базы;

- статус организации и особенности финансирования: в исследовании приняли участие специалисты 9-ти некоммерческих организаций, 2-х благотворительных фондов, 1-й государственной организации.

Мы старались привлечь организации, отличающиеся по статусу, условиям работы и др., чтобы обеспечить разнообразие позиций в выборке, гомогенной по главному для нас параметру — степени знакомства с доказательным подходом: представители всех участвовавших в исследовании организаций активно включались в программы доказательных обоснований предлагаемых ими способов работы, посещали семинары или конференции по доказательному подходу и т.п. Относительная гомогенность группы участников по степени знакомства с доказательным подходом давала возможность достижения «точки насыщения»¹ в пределах десяти случаев [3]. В обсуждении результатов мы коснемся вопроса ограничения выводов ввиду особенностей отбора участников.

Сбор данных осуществлялся методом полуструктурированного интервью длительностью от 45 до 80 минут. Мы расспрашивали респондентов об их деятельности, устройстве, истории создания и развития их организации, разработанных ими практиках, методах и технологиях, участии в конкурсе на отбор лучших практик; отдельно задавались вопросы о том, как они видят доказательный подход и отношения с научным сообществом.

Интервью с согласия респондентов записывались на диктофон и затем расшифровывались с использованием «мягких» форм транскрибирования (дословно, но без деления текста на строфы и без использования специальных значков для передачи экспрессивной стороны речи) [2]. Анализ

расшифровок (около 200 страниц текста) проводился при помощи метода рефлексивного тематического анализа, включающего в себя открытое кодирование и разработку тем на основе полученных кодов [7; 16].

Результаты

По итогам анализа собранных материалов нами были выделены несколько основных тем, в совокупности описывающих представления специалистов-практиков о доказательном подходе и их ожидания от взаимодействия с научным сообществом.

Поворот к доказательности: подключение к тренду, «знак качества»

Одна из магистральных тем, встречающихся в интервью, связана с идеей доказательности как некоего тренда современности. Подключение к нему дает гарантии и определенные удобства для развития практики.

Интересно, что доказательный подход для респондентов — это прежде всего доказательное обоснование той программы, практики или технологии, которыми они занимаются, для того чтобы соответствовать критериям реестров практик, но это также использование в своей работе тех методов и технологий (преимущественно западных), которые маркируются как «практика с доказанной эффективностью».

Попадание в реестры, по мнению респондентов, позволяет решать несколько задач. Во-первых, оно обеспечивает повышение доверия целевой аудитории к практике:

«По большому счету, вхождение в реестр — это знак качества, причем на лбу [...]. Соответственно, мне не нужно изначально доказывать родителю, что мы эффективно работаем, что мы качественно работаем».

Во-вторых, оно облегчает поиск финансирования:

«Вот этот доказательный подход для убеждения доноров потенциальных, это и

¹ Т.е. состояния относительной полноты информации, когда последующий набор респондентов не приносит новой информации, а сообщаемые ими данные попадают в уже выделенную структуру категорий или тем [10].

для гранта дающей организации, и для органов власти».

Все респонденты так или иначе подчеркивают, насколько удобнее стала для них ситуация подачи заявок на гранты в связи с оформлением практики по требованиям реестра:

«Нахождение в реестре существенно облегчило нам написание, например, некоторых заявок на гранты. То есть мы можем прикладывать ссылки, где оформлены наши подробные описания, механизмы действия, то есть этого бывает достаточно для того, чтобы как-то о себе заявить, а не нужно это все делать заново».

Одна из респонденток очень точно описывает связь между финансированием и показателями эффективности, доказательный подход здесь понимается как синоним эффективной работы, причем подключение к тренду доказательности способствует выработке единого языка и выстраиванию отношений между теми, кто дает деньги, и теми, кто запрашивает:

«Опыт работы с бизнесом нас приучил к тому, чтобы разговаривать на языке эффективности [...]. Я вот была поражена прямо очень — увидела разницу, как бизнес говорил три года назад и как говорит сейчас, в контекстах эффективности, доказательного подхода, вообще ориентации на НКО, на объединение усилий, на создание действительно проектов больших и социально значимых».

В-третьих, попадание в реестры способствует позиционированию себя как успешных специалистов и улучшает репутацию среди коллег:

«Это нас переводит на какой-то другой уровень позиционирования среди других организаций».

«Поскольку мы сотрудничаем очень много с государственным сектором нашего города и других регионов, мы можем говорить, что те знания или данные, которые мы передаем, чем делимся, они имеют вот такую поддержку — это, конечно, тоже на репутационный капитал влияет».

«С тех пор, как мы вошли в реестр, мы просто на каждом углу об этом говорим.

Это очень сильно повышает, скажем так, авторитет организации в профессиональных кругах. Это такой знак качества для организации, которая работает в сфере детства».

Следует отметить, что тема доказательного подхода приходит к специалистам-практикам извне, от экспертов фондов и донорских организаций, с которыми практики сотрудничают, однако очень быстро становится привлекательной для них самих:

«И нас пригласили на установочную конференцию в Москву, где как раз нам говорили о том, что мониторинг и оценка будут трендом в ближайшие 10 лет. И я помню, я тогда подумала: “Что за слова вообще? Ничего не понятно, что это такое”. Но настолько меня это захватило, и мне захотелось как-то окунуться в это, побольше об этом узнать».

Суммируя, можно сказать, что доказательность ассоциируется специалистами-практиками прежде всего с возможностью более продуктивно разрешать набравшие вопросы финансирования, оформления заявок на гранты, контроля притока благополучателей, узнаваемости и признания своей работы. Хотя тема доказательного подхода приходит к практикам извне, попадая в этот тренд и встречаясь с диктуемой фондами и донорскими организациями необходимостью доказательного обоснования своей работы, они попутно обнаруживают для себя в этом ряд открытий и преимуществ.

Новая культура обоснования и коммуникации

Респонденты отмечают появившийся или усилившийся у них в связи с поворотом к доказательности интерес к обоснованию, исследованию и оценке своей практики.

Большинство респондентов отмечают, что только пройдя сложный и долгий путь описания своей практики согласно стандарту доказательности, они почувствовали то, что можно назвать «исследовательским вкусом». Они подчеркивают, что, включившись в требуемое описание практики, они стали гораздо лучше понимать, что именно они делают и что в их деятельности может «работать»:

«Поэтому, естественно, пока ты работаешь над доказательством, ты это систематизируешь, разложишь по полочкам и сам будешь знать, где что находится, где — нужное, и, может быть, что-то ненужное уйдет».

«Все это как будто бы про очень четкое понимание своей деятельности. То есть про то, что действительно есть результаты нашей деятельности, мы их можем показать, про них рассказать. И про то, что мы понимаем, как это работает».

Погружение в исследования, осуществляемые частично собственными силами или силами приглашенных независимых исследователей, явно придает уверенности практикующим специалистам и поддерживает их самоуважение, поскольку они получают возможность видеть результаты своей работы:

«У нас 90% семей сохранили своих детей. И когда мы можем это обосновать, рассказать, как мы это получили, то это прямо вот что-то про настоящее, про то, что мы действительно можем помочь, про то, что мы меняем мир, помогаем людям. Ну то есть какие-то вот эти лозунги, миссии организаций, которые заявлены, когда они подтверждаются реальными историями, реальными цифрами, то это становится, ну, какими-то более весомыми историями, мне кажется. Вот в этом для меня доказательный подход».

Неоднократно специалисты, с которыми мы беседовали, сравнивали то, как они понимали и презентовали свою деятельность раньше, с тем, как это происходит сейчас:

«Как было раньше — мы могли увлеченно и эмоционально рассказывать», теперь же «в работе есть формальные точки, контрольные пункты, которые можно снова и снова измерять».

Меняется сама культура рефлексии и презентации практики, специалистам определенно нравится погружаться в нее и ее осваивать, даже если на этом пути они встречаются с трудностями:

«Социальная работа больше как-то оценивалась, да и до сих пор оценивается какими-то эмоциональными и моральными категориями — это добро, это благотворительность, и с цифрами, и с конкретными показателями

это не должно иметь ничего общего, ну как-то так. Вот и раньше в нашей сфере казалось: какие доказательства, какие цифры?! Я и так спасаю жизнь, а вы тут со своими цифрами! Мне не до цифр совсем!»

«Если мы покажем, что у нас есть практика, которая признана, условно говоря, хотя бы на российском уровне, у нее есть уровень доказанности, что у нас есть результат, это не наши бла-бла-бла, это не наши красивые слова психолога на собраниях. Это вот бери документы и смотри!»

Вместе с тем некоторые наши собеседники говорят, что и раньше они тоже проводили исследования, например, собирали обратную связь от родителей детей, с которыми работали, и корректировали свою работу в соответствии с полученной информацией, осуществляли поиск теоретического материала, на который можно опереться в практической работе. Нельзя сказать, что изнутри их практики у специалистов не возникла потребности обращаться к научным знаниям и результатам исследований. По-видимому, однако, они не маркируют такой процесс практики как доказательный. С доказательным подходом они связывают сугубо историю описания практики в соответствии со стандартом доказательности и внешние оценки эффективности.

Некоторые собеседники подчеркивают, что, включившись в эту историю, они, скорее, научились лучше презентовать свою практику, чем как-то изменили суть своей работы:

«Мы включились в реестр доказательных практик недавно, но и до этого мы работали так же хорошо. Сейчас мы лучше стали в плане методическом, описательном».

Другие же демонстрируют, что благодаря систематизациям, проводимым оценкам и взаимодействию с представителями академического и экспертного сообщества они стали задавать другие вопросы, у них изменился ракурс взгляда на собственную деятельность и ее результаты:

«То есть доказывать, что у тебя было 15 семей никому не надо [...] А что конкретно качественно поменялось за те мероприятия,

которые семья посетила, за те занятия, тренинги, еще какие-то другие формы помощи — это, конечно, пришлось делать».

«Может быть, вот раньше мы даже как-то и считали больше, оценивали свою деятельность, больше опираясь на количественные показатели, такие формальные. То есть провели десять консультаций, там пять мероприятий. А что произошло благодаря этим мероприятиям? Мы как бы автоматически засчитываем, что родительские компетенции повысились благодаря нашим родительским школам. А как узнать, что они действительно повысились? И как узнать, что они действительно повысились именно благодаря нашим родительским школам?»

**Взаимодействие с наукой:
поиск контактов, кураторство
и партнерство**

Необходимость «быть доказательными» побуждает практиков больше обращаться к представителям научного сообщества и специалистам по оценке — т.е. к тем, кто компетентен в проведении исследований и кто, соответственно, может помочь в получении доказательств эффективности их деятельности. Если в начале пути, когда практика, программа или технология делают свои первые шаги, осуществляющие их специалисты часто проводят оценку собственными силами, то в дальнейшем, по мере «взросления» практики, возрастает запрос на внешние исследования. Общение с исследователями помогает осознать проблемы и наметить пути развития:

«Обратная связь экспертов помогла понять, какие еще слепые зоны есть [...]. Мы поняли, что нам нужно провести очень большую исследовательскую, на которую сейчас пока, к сожалению, нет таких больших ресурсов».

Вероятно, у практиков присутствует не только чисто прагматический запрос на оценку. Мы бы сказали, что наши респонденты выражают не вполне оформленную потребность-интерес к контактам с исследователями — им, по их словам, «хочется многое поизучать». По-видимому, как именно это изучение будет связано с практической дея-

тельностью, далеко не все из них четко представляют. Однако можно думать, что они интуитивно улавливают, что взаимодействие с исследователями может быть для них одним из ресурсов развития практики.

Вот как одна из наших собеседниц рассказывает о своем интересе:

«У меня даже была такая идея — пойти в наш университет. Там как-то я познакомилась с проректором, и он говорил, что они проводят исследования на разные темы со студентами, что, типа, обращайтесь, мы там готовы. И я даже хотела, думала я пойду, попрошу, чтобы они чего-нибудь у нас исследовали. Пряма так интересно было. А потом мы познакомилась с фондом N, и как-то вот они немножко закрыли нашу эту потребность. Но сейчас нам это очень интересно, потому что столько всего хочется померить, поисследовать, поизучать, наши специалисты не обладают ни знаниями, ни компетенциями, ни временем, ни силами, скажем так, этим заниматься, а местные вузы, команды, я как-то не знаю, насколько они компетентны в нашей сфере, поэтому нам это очень интересно, мы бы хотели, было бы здорово».

Обратим внимание, что респондентка подчеркивает невозможность заниматься исследованиями собственными силами, но кого именно она хочет видеть в этой роли, как может быть организовано взаимодействие с ним — все это остается для нее самой очень неопределенным. Она, скорее, ждет предложений и хочет видеть какую-то встречную заинтересованность со стороны тех, кто занимается исследованиями, чем готова озвучить конкретный запрос.

Нередко практики прямо говорят о недостатках знания у них, которые они пытаются компенсировать посредством общения с коллегами. Иногда речь заходит о возможном наставничестве, кураторстве или необходимости иметь в штате специального сотрудника, связанного с наукой. Практики понимают, что им чего-то не хватает в их собственных действиях по сбору информации, мониторингу, оценке, но они не представляют, как можно было бы поставить задачу, какого рода знания в принципе можно было бы искать:

«Мы единственное хорошо сейчас делаем — мониторинг. Просто мониторим, набираем информацию, анкетирование мы делаем в разрезе проблем поступающих женщин: сколько они у нас живут, из каких районов. Это вот просто чисто статистически. Каков их возраст, какое социальное положение, замужем, сколько у них детей, не замужем, в каком браке они живут, трудоустроена, не трудоустроена. Только вот набор информации и все. Такая текущая работа, а вот чтобы повысить — надо нам чтобы кто-то помог, научное сообщество. Вот трудно сделать как задание, как запрос, очень сложно. Нам самим понять вот это — как бы не очень получается, наверное».

«Но, конечно, большей частью не хватает нам знаний, не хватает. И мы буквально по крупицам ищем что-то, где-то что-то в интернете найдем, большей частью, конечно, все-таки это конференции, это профильные конференции, это общение с коллегами».

«Сотрудничества, конечно, нам бы очень хотелось. Конечно, хотелось бы, да, но вот какой запрос сделать от нас... Ну вот мне сложно. Чем бы они (научное сообщество — авт.) нам могли помочь? Вот нужно, но я не знаю как».

Однако нельзя сказать, что специалисты-практики позиционируют себя по отношению к научному сообществу лишь в иерархической модели «ученик—учитель». В большинстве случаев они хотят выстраивать отношения с представителями «академии» как равные партнеры, у каждого из которых есть свой набор компетенций. Все наши респонденты подчеркивают, что у практической работы есть своя специфика. Практика — область очень сложная, запутанная и неопределенная, так что далеко не все, что, как ожидается, работает в теории, будет работать и на практике. И для практикующих специалистов очень важно, чтобы «академики» разделяли этот взгляд и не преподносили свои знания как истину в последней инстанции.

Очень показателен в этой связи рассказ одной из респонденток:

«Я выступала как-то перед научным сообществом, и меня не очень услышали и не

очень поняли. То есть вопросы из разряда “была ли у меня контрольная группа и почему я привожу такие результаты” меня немножко повергли в шок, и я пыталась объяснить. Какая контрольная группа? Две семьи поселили в кризисное отделение, а две не поселили и сказали: “Ну давайте как-то сами, а мы покажем потом эффект, что мы работаем?” Каким образом это должно происходить? Ну как бы, знаете, из разряда того, что тебя пытаются чему-то научить, но вообще-то ты уже в целом как бы что-то умеешь и даже понимаешь, что это, скорее, не будет работать на практике, что в жизни это немножко по-другому. А в ответ тебя немножко ну как бы не воспринимают. И получается, что как бы теория вроде как-то что-то дает практику, но теория не то чтобы не меняется, но не принимает обратную связь, что ли, от практики. Вот было бы здорово, если бы был какой-то взаимобмен. То есть мы изучаем новые теории, внедряемые в практику, а теория, глядя как это происходит на практике, немножко тоже меняется».

Как можно видеть, респондентка подчеркивает, что научное сообщество порой занимает по отношению к специалистам-практикам доминантную позицию эксперта и не готово признать, что они тоже являются экспертами в своем деле.

Между тем специалисты-практики могут предложить «академии» интересные формы сотрудничества, в частности, вести практико-ориентированные курсы в вузах. В ряде случаев подобные проекты удастся реализовать, и практики со своей стороны очень ценят подобный опыт:

«С медуниверситетом мы проводили и планируем продолжить такой совместный проект, когда мы в течение года обучали врачей и студентов взаимодействию с семьями с особыми детьми: как сообщать диагноз, как взаимодействовать с родителями, как вести прием с особым ребенком, какие можно способы альтернативной коммуникации применить, как вообще с ним можно общаться. То есть таким вещам учили, которым в медицинском вузе не учат обычно врачей. Это был очень полезный для университета и

для нас проект, потому что это такой взаимодополняемый опыт».

Нам хотелось бы обратить внимание также на еще один важный момент, который артикулируют специалисты-практики в связи с возможными формами партнерского взаимодействия с научным сообществом. Приведем размышления одной собеседницы (нечто похожее по сути, но касающееся иных областей мы слышали и от других респондентов):

«Когда мы работаем, мы какие-то вещи в нашей практике видим, которые не очень обоснованы. Например, история про мифы, которые существуют в обществе, про то, что мама с ментальными особенностями не может воспитывать детей. Мне кажется, если идет какое-то исследование, какая-то такая информация, что на самом деле это неправда, если проводится научным сообществом исследование про то, что мама с ментальными особенностями воспитывает детей, да, там при этом могут быть какие-то сложности, но при этом там привязанность формируется, все нормально, то, мне кажется, это прямо вот один такой вариант, очень крутой, когда мы подтверждаем наше мнение прямо исследованием существующим».

Дело в том, что в силу своей погруженности в жизнь и проблемы людей специалисты-практики могут гораздо лучше кабинетных ученых улавливать болевые точки общества. Исследователи же, используя свой инструментарий, способны проверять и подкреплять такие наблюдения. В этом смысле партнерство практики и науки, предполагающее внимательное отношение представителей научного сообщества к взгляду практикующих специалистов, может вносить свой вклад в развитие социокритической/трансформаторной парадигмы в науке и способствовать социальным изменениям.

Обсуждение результатов и выводы

Тематический анализ интервью со специалистами социальной сферы позволил прояснить некоторые особенности их представлений о доказательном подходе. Специалисты-практики воспринимают доказательный подход как важный современный тренд,

подключение к которому, по их мнению, дает им ряд преимуществ: помощь в финансировании благодаря большей привлекательности в глазах донорских организаций, расширение целевой аудитории и признание в профессиональных кругах. Несмотря на то, что и раньше специалисты осуществляли мониторинг своей деятельности и проводили некоторые исследования ее эффективности, именно участие в конкурсах на попадание в реестры практик с доказанной эффективностью и их более плотное знакомство с доказательным подходом, которое им транслируют устраивающие конкурсы фонды и организации, побудило их к более систематической исследовательской работе, в том числе с привлечением внешних исследователей. Большинство респондентов отмечают, что изменился их собственный взгляд на то, что они делают: они освоили новую культуру обоснования и презентации своей практики.

Наиболее содержательной, по нашему мнению, оказалась тема представлений специалистов сферы детства об их взаимодействии с научным сообществом. Исследования помогают практикам удостовериться в значимости своей работы. Мы интервьюировали тех, чьи организации прошли конкурсный отбор, получив высокие оценки экспертов. Понятно, что представленные ими данные исследований (у многих — выполненные именно внешними, независимыми командами) свидетельствовали в пользу достаточно высокой эффективности их работы. Возможно, именно поэтому довольно много наши собеседники говорили о важности таких оценок. Мы не знаем мнения об исследованиях тех, кто получил не столь высокие оценки экспертов. Однако есть основания предполагать, что специалисты-практики придают исследованиям именно такой смысл — для них это прежде всего средство повысить ценность их работы и использовать полученные результаты для самопродвижения.

Вместе с тем мы улавливаем и иное, не связанное с прагматикой самопродвижения отношение к исследованиям, хотя выражается оно не явно, и мы лишь можем реконструировать эти смыслы, исходя из контек-

ста. Респонденты так или иначе показывают свою заинтересованность в том, чтобы исследования были встроены в сам процесс их работы — возможно, помогали бы им отвечать на отдельные вопросы, связанные с организацией практики, а возможно, за такой заинтересованностью стоит более общая потребность в знаниях, и фигура исследователя воспринимается как их источник. Если нам верно удалось реконструировать смысловые конфигурации респондентов, то сопровождение, кураторство — это не только помощь в «правильной» презентации практики, но и ресурс развития.

Обратим внимание на гибкое и разнообразное позиционирование практиков по отношению к представителям «академии». С одной стороны, они воспринимают их как экспертов, чья функция — обучать и выносить оценки. Но, с другой стороны, практикам важно, чтобы их голос был слышим и, более того, чтобы они могли выступать в качестве равных партнеров, у которых есть своя зона экспертизы. На наш взгляд, к сожалению, представители академического сообщества действительно порой занимают по отношению к практикам доминантную позицию, готовы делиться знаниями (в том числе методологическими), но не готовы ставить их под вопрос перед лицом и вместе с практиками. Хотя ведь именно критическая позиция по отношению к самому себе и внутренние механизмы самокоррекции являются неотъемлемой частью института науки. Как выстраивать сотрудничество науки и практики — один из главных вопросов, на который можно искать ответ лишь в диалоге. На наш взгляд, практикам есть что предложить «академии» — и это не только практико-ориентированные курсы, которые разрабатываются и проводятся совместно с сотрудниками университетов, но это и само знание, полученное на практике, которое, будучи проверенным и систематизированным благодаря применению научного метода, способно вносить свой вклад в социальные изменения.

Мы не типологизировали ответы респондентов, а проводили «сквозной» анализ полученного материала как целого, пытаюсь

разработать темы, которые бы отражали общие тенденции представлений респондентов о доказательном подходе. Однако если соотнести реконструированные представления с типами понимания доказательной практики, описанными в исследовании Г. Авби с соавторами [6], можно заметить, что наши респонденты склонны придавать доказательному подходу тот инструментальный смысл, который им транслируют фонды, обучающие программы и т.п.: для них доказательный подход — это прежде всего проведение исследований эффективности, предпочтение методов и технологий работы, доказавших свою эффективность, и представление собственных разработок в соответствии со стандартом. Специалисты согласны с тем, что практика должна быть именно такой, но вместе с тем они обрисовывают и несколько другой ее образ — как сложной области, которая основывается прежде всего на ценностях, предполагает умение действовать в условиях повышенной неопределенности, используя все доступные знания — и внешние, полученные из литературы, исследований, общения на профильных конференциях, и родившиеся изнутри самого практического опыта. Несколько запутанные определения ориентиров собственной деятельности, которые дают специалисты, можно проинтерпретировать как их застревание на «до-доказательном уровне» или, скорее, в области перехода. Однако мы полагаем, что их образ практики содержит в себе черты, которые потенциально могут стать основой более продвинутого многостороннего и критического понимания доказательного подхода — при условии поддержки такого понимания, в том числе со стороны научного сообщества.

В заключение скажем несколько слов об ограничениях исследования. Описанные нами темы многократно повторяются в материале интервью и, как мы успели понять из их обсуждения на двух конференциях и собраниях со специалистами-практиками, вполне узнаваемы для аудитории. Однако похожих результатов можно ожидать лишь у тех практиков, которые так или иначе вклю-

чились в реализацию доказательного подхода, транслируемого российскими фондами и организациями, объявляющими конкурс на попадание в реестр практик с доказанной эффективностью. Безусловно, сфера дет-

ства значительно шире, и для других групп специалистов-практиков, скорее всего, будут характерны иные установки и представления. Прояснение этого вопроса мы оставляем на будущее.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в образовании: критический анализ актуальных дискуссий [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (дата обращения: 01.12.2022).
2. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
3. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 38. С. 38—71.
4. Aarons G.A. Mental health provider attitudes toward adoption of evidence-based practice: the Evidence-based Practice Attitude Scale (EBPAS) // *Mental Health Services Research*. 2004. Vol. 6. P. 61—74. DOI:10.1023/b:mhsr.0000024351.12294.65
5. Aarons G.A., Cafri G., Lugo L., Sawitzky A. Expanding the domains of attitudes towards evidence-based practice: The Evidence-based Practice Attitude Scale-50 // *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*. 2012. Vol. 39(5). P. 331—340. DOI:10.1007/s10488-010-0302-3
6. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of understanding evidence-based practice in social work: a qualitative study // *British Journal of Social Work*. 2014. Vol. 44. P. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198
7. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3(2). P. 77—101. DOI:10.1191/1478088706qp0630a
8. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based practice in social work: perceptions and attitudes among Norwegian social workers // *European Journal of Social Work*. 2018. Vol. 22. P. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.144113
9. Finne J. Evidence-based practice in social work: who are the critics? // *Journal of Social Work*. 2021. Vol. 21(6). P. 1315—1338. DOI:10.1177/1468017320955131
10. Fusch P.I., Ness L.R. Are we there yet? Data saturation in qualitative research // *Qualitative Report*. 2015. Vol. 20(9). P. 1408—1416.
11. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about evidence: a study of social workers' attitudes towards evidence-based practice // *Journal of Social Work*. 2013. Vol. 14. P. 23—40. DOI:10.1177/1468017313475555
12. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based practice and knowledge utilisation — a study of attitudes and practices among social workers in Germany // *European Journal of Social Work*. 2018. Vol. 22. P. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475
13. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards evidence-based practice of professionals working with children and adolescents with autism spectrum disorder in Bangladesh // *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*. 2022. Vol. 49. P. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2
14. Rye M., Torres E.M., Friberg O. et al. The Evidence-based Practice Attitude Scale-36 (EBPAS-36): a brief and pragmatic measure of attitudes to evidence-based practice validated in US and Norwegian samples // *Implementation Science*. 2017. Vol. 12(44). DOI:10.1186/s13012-017-0573-0
15. Scurlock-Evans L., Upton D. The role and nature of evidence: A systematic review of social workers' evidence-based practice orientation, attitudes, and implementation // *Journal of Evidence-Informed Social Work*. 2015. Vol. 12. P. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014
16. Terry G., Hayfield N., Clarke V., Braun V. Thematic Analysis // *Qualitative Research in Psychology* / Willig K., Stainton-Rogers W. (Eds.). Sage, 2017. P. 17—37.
17. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and attitudes towards evidence-based practice in a Dutch social work organization // *Journal of Evidence-Based Social Work*. 2019. Vol. 16. P. 245—260. DOI:10.1080/23761407.2019.1584071

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevsky V.V. Dokazatelny podkhod v obrazovanii: kritichesky analiz aktualnykh diskussiy [Evidence-based education: critical analysis of current discussions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (Accessed 01.12.2022). (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Kvale S. Issledovatel'skoe interviyu [Research Interview]. Moscow: Smysl, 2003. (In Russ.).
3. Shteinberg I.E. Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interviyu:

“vosmiokonnaya model” [A logical scheme to justify the sample in qualitative interview: an “8-Window Sample Model”]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologia: 4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)]*, 2014, no. 38, pp. 38—71. (In Russ., abstr. In Engl.).

4. Aarons G.A. Mental health provider attitudes toward adoption of evidence-based practice: the Evidence-based Practice Attitude Scale (EBPAS). *Mental Health Services Research*, 2004. Vol. 6, pp. 61—74. DOI:10.1023/b:mhsr.0000024351.12294.65

5. Aarons G.A., Cafri G., Lugo L., Sawitzky A. Expanding the domains of attitudes towards evidence-based practice: The Evidence-based Practice Attitude Scale-50. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 2012. Vol. 39(5), pp. 331—340. DOI:10.1007/s10488-010-0302-3

6. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of understanding evidence-based practice in social work: a qualitative study. *British Journal of Social Work*, 2014. Vol. 44, pp. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198

7. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 2006. Vol. 3(2), pp. 77—101. DOI:10.1191/1478088706qp0630a

8. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based practice in social work: perceptions and attitudes among Norwegian social workers. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.1441113

9. Finne J. Evidence-based practice in social work: who are the critics? *Journal of Social Work*, 2021. Vol. 21(6), pp. 1315—1338. DOI:10.1177/1468017320955131

10. Fusch P.I., Ness L.R. Are we there yet? Data saturation in qualitative research. *Qualitative Report*, 2015. Vol. 20(9), pp. 1408—1416.

11. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about evidence: a study of social workers' attitudes towards evidence-based practice. *Journal of Social Work*, 2013. Vol. 14, pp. 23—40. DOI:10.1177/1468017313475555

12. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based practice and knowledge utilisation — a study of attitudes and practices among social workers in Germany. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475

13. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards evidence-based practice of professionals working with children and adolescents with autism spectrum disorder in Bangladesh. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 2022. Vol. 49, pp. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2

14. Rye M., Torres E.M., Friberg O. et al. The Evidence-based Practice Attitude Scale-36 (EBPAS-36): a brief and pragmatic measure of attitudes to evidence-based practice validated in US and Norwegian samples. *Implementation Science*, 2017. Vol. 12(44). DOI:10.1186/s13012-017-0573-0

15. Scurlock-Evans L., Upton D. The role and nature of evidence: A systematic review of social workers' evidence-based practice orientation, attitudes, and implementation. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 2015. Vol. 12, pp. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014

16. Terry G., Hayfield N., Clarke V., Braun V. Thematic Analysis. In Willig K., Stainton-Rogers W. (Eds.). *Qualitative Research in Psychology*. Sage, 2017, pp. 17—37.

17. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and attitudes towards evidence-based practice in a Dutch social work organization. *Journal of Evidence-Based Social Work*, 2019. Vol. 16, pp. 245—260. DOI: 10.1080/23761407.2019.1584071

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Будуриан Мария Мартиковна, психолог, аспирантка факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-0972>, e-mail: mariam.buduryan@mail.ru

Засимова Анастасия Валерьевна, психолог, ведущий аналитик Центра доказательного социально-проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Information about the authors

Natalia P. Busygina, PhD in Psychology, Assistant Professor, Department of Counselling and Clinical Psychology, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Mariam M. Buduryan, PhD Student, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8970-0972>, e-mail: mariam.buduryan@mail.ru

Anastasia V. Zasimova, psychologist, lead analyst, Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Получена 26.08.2022

Received 26.08.2022

Принята в печать 26.10.2022

Accepted 26.10.2022